



*“Моя Зеленая
родина...”*

(стихи об окрестностях города)

Людмила ГРАЦИАНОВА

НА СЕРДОБОЛЬСКОМ ПОГОСТЕ

Ничего не происходит.
Все обыденно и просто.
И в волненье не приводят
тени старого погоста.
Что погост? Забыт, заброшен,
где-то сгинули потомки.
Лишь на плиты кем-то брошен
одуванчик желтый, звонкий.

Чьи-то пальцы, мрамор глядя,
полустертых букв коснутся.
С губ слетит – забавы ради –
чье-то имя. Встрепенутся
звуки. И, как птичья стая,
пролетят над лесом темным,
немоту одолевая.
Вдруг былое вспомнят, вспомнят.
А мое кто вспомнит имя?
Чья рука погладит камень?
Я уже не буду с ними –
ни улыбкой, ни стихами.

Но любовью к той часовне,
что выросла корнями в скалы
на погосте полутемном,
где – начало Сортавалы
я останусь. И потомок
забредет сюда без цели
и притихнет, и припомнит,
что стоит – у колыбели.

Анфиса ПОПОВА

КРАСНАЯ ГОРКА

Поселок с нами по соседству –
там раньше жили рыбаки.
Дома оставили в наследство,
уйдя из жизни, старики.
Поселок слева окружают
крутые скалы и леса.
Здесь горожане отдыхают:
слышны ребячьи голоса.
Проходит время быстротечно,
поселок свой меняет вид,
лишь у залива церковь вечно –
как будто памятник! – стоит.

Тайсто СУММАНЕН,
г.Петрозаводск

САНАТОРИЙ ТАРУНИЕМИ *

Ты спросил меня серьезно:
– Чем там лечат, в Таруниemi?
Может, грязями какими
иль водою чудотворной?
– Нет! – сказал я, улыбнувшись, –
в Лукоморье лечат сказкой.
А врачуют там русалки,
девы леса и поляны,
девы воздуха и света.
На заре они приходят,
на рассвете дарят сказки,
полные несут охапки.
Гонят из души усталость,
гонят из сердец печали,
изгоняют боль-хворобу,
телу свежесть возвращают
сотней запахов цветочных,
тысячью лучей июньских,
обдувают, обвевают
и смывают равнодушие
чистой утренней росой,
чудотворной медуницей.
– Кажется, поэт увлекся...
– Может быть, но все же вспомни,
сколько раз на этом свете
мифами сердца лечили,
исцеляли душу сказкой.

Перевод с финского О.Мишина

.....
* Здесь, на одном из мысов Ладоги южнее Сортавалы, долгие годы после Великой Отечественной войны был санаторий советско-партийного актива, в народе называемый Дачей ЦК, а также Дачей Маннергейма. Таруниemi – в пер. с финского-Сказочный мыс.

Елена НИКОЛАЕВА

ФОТОГРАФИЯ: НА ДАЧЕ ВИНТЕРА

Это мы по Аллее Желанья
коридорчиком узким идем.
Как приятно уже из названья,
каждый думает здесь о своем.

Как всегда, замыкаю цепочку,
мне отсюда лишь спины видны.
Да, мы вместе – и все ж в одиночку,
наши помыслы разобщены.

И тогда я, конечно, не знала –
не исполнится то, что хочу,
а на снимке теперь увидала:
улыбаются все, я – грущу.

Юрий ДОДОНОВ,
пос.Заозерный (Сортавала)

КИТЕЕНЬОКИ

Между круч в каскадах пенных –
то веселая, то злая –
струи мчит Китееньюки,
валуны с пути сметая.

То старухой сварливой
между скал бурчит-бормочет,
то девчонкой озорною
скачет, брызжет и хохочет!

То, задумавшись о чем-то,
в омуте кружит глубококом,
и купальницы раскинет
щедро заводи широкой.

И опять, отбросив думы,
Падуном клокочет, мчится,
Чтобы скоро, очень скоро
с ладожской водою слиться.

1970-е

Илмари СААРИНЕН

ПААСО

Словно крепость, Сортавалу-город
окружают цепи синих гор.
Сердобольцы здесь в былые годы
дали войску шведскому отпор.

Было так. Блеснула ночь пожаром,
пламенем занялся небосвод.
В этом крае никогда, пожалуй,
не видал подобного народ.

На холмах зажглись огней сигналы.
Людям смысл их издавна знаком:
носят воду, поливают скалы
и спокойно встречи ждут с врагом.

Вот уже грохочут барабаны.
Марширует войско короля.
Шведы от воинственности пьяны.
«Что за горы?» – рвутся в бой, горя.

Горы смотрят грозно на пришельцев,
молча ожидают до поры.
Вот уже полезли чужеземцы
вверх по склонам ледяной горы.

Только видно, хитрость никакая
не поможет. Не пройти вперед:
падают на них стволы и камни,
под ногами – только голый лед.

Наверху, отчаянны и смелы,
неприступны, как вершины гор,
вместе – вепсы, русские, карелы
наглому врагу дают отпор.

Камни лишь да бревна – их оружие.
Жажда победить в сердцах живет.
Ничего другого и не нужно,
если за Отчизну бой идет.

...На пути в Хелюлю видишь справа
горы Паасо, скал отвесных строй.
Стали горы монументом славы,
памятником храбрости былой.

Перевод с финского О.Мишина

Хелюля! Откуда же названье?
Может, оттого, что я с утра
слышу паровозов завыванье,
стук колес вагонных, буфера?

Наш поселок разделен рекою,
у домов такой веселый вид!
Фабрика с высокою трубою,
словно дед мой, целый день дымит.

И метет метелица опилок,
скрежет пил не молкнет никогда.
Мебельщикам, нам по сердцу было
слушать ту симфонию труда.

Пой же, Хелюля! Пусть каждый слышит!
Здесь березам новый дан наряд:
здесь старательно строгают лыжи
парни с дружной стайкою девчат.

Думаю порой я благодарно,
что из цеха шумного потом
лыжи те выходят – все попарно,
словно мы с тобою вечерком.

Перевод с финского Вс.Рожественского

Александра ДЕМЕХИНА

СОЛОВУШКА

Вечером над Тохмой
злые ветры дули,
превращая в лохмы
сосны за Хелюлей.

А наутро местный
звонкий соловей
разбудил всех песней
майскою своей.

Над заспавшей речкой
пала тишина.
Солнце над крылечками,
лица из окна.

1995

Геннадий ТАЛЫХ

ХЕЛЮЛЯ

Светло, а ночь. Звонящая прохлада.
Гуденье мошек, всплески на реке.
Поселок выбежал на берег, словно стадо,
и там рассыпавшись, уснул на бугорке.

А мне не спится, все томлюсь надеждой.
И думаю о доме, о тебе.
Полночный лес, чуть пошептавшись, нежно
заводит тихо песню на трубе.

Ну что же, пой. Поможешь мне забыться,
укутай землю в сумрак голубой.
Усну. И пусть тогда приснится
счастливый сон, как встречу я с тобой.

Владимир СУДАКОВ

РИСТИЯРВИ (Крестовое озеро)

Игорю Борисову

Возле Петсе и Пийспа-горы
камни крепости в теплой лощине
и цветов молодые костры,
и оплывшая тропка к вершине.
Шесть крестов пали ниц с трех сторон
от Валаама и до Рускеалы,
ну а этот –
пойди его стронь.

...Млела магма и пучилась ало,
с треском терлись материки,
народились и сгнули гады,
и, хрустя, проползли ледники,
продавив жизнь до самого ада.
Но как только истаяли льды,
и ветра задышали пыльцою,
тонкий лучик коснулся воды,
встала сушь над густою водою.
И земная утишилась плоть,
а трясеньем последним, усталым
все ж смогла –
накрест крест –
расколоть
затвердевшие намертво скалы.

Желтой пылью клубился прогал,
а когда его птица пронзила,
что он значит, никто не сказал.
Да и слышать-то некому было.
Стлались мхи, лес поднялся на склон,
рыбья стая в глубинах зависла,
и пришел человек.

Но и он
не постиг его тайного смысла.

Имена раздавая всему
и вздымая церковные свечи,
он не знал: а земле почему
уготован сей путь человеческий?

Так что крест из тяжелой воды
и прозрачного воздуха выше
ей нести – в неземные сады,
нас не помня,
не видя,
не слыша.

Вячеслав ФЕЩЕНКО

РУСКЕАЛЬСКИЕ ВОДОПАДЫ

В меня влетела музыка
звонящим водопадом:
в кольце лесов карельских
июльским сочным днем.
И как же это здорово,
когда его токката
вдруг душу полоснула,
все пропитав огнем!
Со мною эта музыка –
сестра любви бездонной.
В ней верность северянки,
южанки гордой страсть.
Кивали в такт мелодии
могучих сосен кроны,
а струны – речки струи –
свою крепили власть...
Теперь чарует музыка,
в каком краю бы ни был,
аккорды проникают
в распахнутость души.
И возникает наяву –
приладожское небо,
а в нем, как бы в сосуде,
окрестный лес кружит.

Владимир ТРОФИМОВ,
г.Петрозаводск

Как мукомолы, в мраморной пыли
рабочие завода Рускеала.
Привычное – раскатисто! – вдали
в карьерах гложнет эхо аммонала.

Окрест в испуге каменеют скалы,
не поднимает головы сосняк,
а по дороге белой – самосвалы
везут к печам завода известняк.

Пусть голос взрывов катится ко мне,
и в каждой смене ухают до ночи...
Здесь аммонал гремит – не на войне,
он – помогает, став чернорабочим.

1960-е годы

Михаил СЫСОЙКОВ

г.Петрозаводск

ЯНИСЪЙОКИ

Янисъйоки – Заячья река,
пениста, бурлива, глубока...
Почему ж тебя в стране лесной
называют Заячьей рекой?

Да, петляешь меж холмов стремглав,
к Ладоге с подводных скал бросаешь.
Разве ж у тебя трусливый нрав?
В рокоте твоём я слышу ярость.
Гребни волн, что зайцы-прыгуны.
Только ведь не каждому известно,
как ты гневно катишь валуны,
раздвигаясь глыбы скал отвесных

И вина твоя ли, что века
минули – и не было их вроде.
Слышался лишь сиплый вой гудка,
допотопный рокотал заводик.
Мчалась ты, объятая тоской,
сталью вороненою блестела.
Видимо, от немощи людской,
с горя Янисъйоки почернела.

Но пришла пора – по берегам
корпуса стремительные встали,
ночью плавится огней река,
озарив приладожские дали.
Труженица гордая моя,
в заревые ты летишь моря.
Почему ж тебя в стране лесной
называют – Заячьей рекой?..

Николай ГУДА

НА ПОЕЗДЕ

Пейзаж-то нашенский, неброский,
лишь гроздь света на кустах:
мы проезжаем Хямекоски.
Неповторимые места!
Мелькают избы, огороды.
Вот Янис вспененный дымит.

...Есть в красках северной природы
свой неподдельный колорит.
И я назвать ее суровой,
пожалуй, даже не рискну.
И, все забыв, я снова, снова
тянусь к дрожащему окну.

Александра ДЕМЕХИНА

ПАРТАЛА

Нечесаными патлами
стоят леса у Парталы...

Болота бесконечные,
поляны сенокосные.
С котомками заплечными
мы шли сюда по осени
и собирали желтые
на кочках, у обочины –
то зрелые, то твердые –
морошкины горошины.

А я садилась у ольхи
записывать стихи...

1987